

АПОЛОГИЯ СОСТАВИТЕЛЯ

"Его слова безбрежны, как океан; чтобы быть верным себе, он себя ничем не стеснял, поэтому правители и сановники не могли его использовать".

Историк Сыма Цянь – о мудреце Чжуан-цзы

У слова "иное" – особая судьба и особый смысл в русском языке.

Заглянув в словари, можно выяснить, что оно ведет родословную от старого индоевропейского корня с базовым значением "один". В греческом языке "ойнос" означает "одно очко на игральной кости". В латинском есть слово *unus* (один). Латынь содержит также замечательное слово *ineo*, очень похожее на "иное", которое означает "вхожу, вступаю, начинаю". А уж потом *ineo* развивается в *initio* – ввожу (в культовые таинства). Можно проследить видоизменение корня "ин" в разных европейских языках: *ein*, *one*, *in* и пр.

Есть и древнерусское, восходящее к общеславянскому корню слово "инь", "иный". Здесь, на нашей земле, оно обрело целый веер значений, среди которых первоначальное оказалось совсем не главным.

Значение это ("один") ныне едва просвечивает из глубин русской речи. Одно из немногих его реликтов – понятие "инок", монах. Собственно, "монах" тоже происходит от корня *monados* – по-гречески "единица". Слово "инок" исходно означало "единственный, одинокий, отшельник" и в этом смысле применимо ко многим авторам книги "Иное". Есть еще забытое ныне слово "инорог" – одинокий, ни с кем не схожий зверь единорог, герой мифов многих народностей, начиная с шумеров.

Второе значение слова "иной" – *некоторый, один элемент из множества*. Оно еще полнокровно живет в классической поэзии начала XIX века. Баратынский писал:

*Я братьев знал; но сны младые
Соединили нас на миг;
Далече бедствуют иные
И в мире нет уже других.*

В современной речи это значение спрятано в слове "иногда", в выражении "иной раз", а в чистом виде приобрело явный оттенок архаизма.

Третье и на сегодня главное значение слова "иной" – *другой, не такой, не этот*. Старинная форма слова в этом значении – "инакий". От него происходит отдающее архаикой, но всегда злободневное слово "инакомыслящий", а также укрывшийся в служебном словаре коневодства "иноходец", которому Высоцкий вернул исконный смысл. Иносказательность – родовая черта русско-московской речи.

В 20-х годах XVII века в Московии появляется литературно-публицистический памятник, составленный неизвестным автором, – "Иное сказание". В нем по-новому трактуются некоторые события русской Смуты, описанные ранее в классическом "Сказании" Авраамия Палицына.

Серия книг Т. Шанина о России носит общее название "Roots of Otherness. Russia's Turn of Century". С согласия Шанина это будет переведено как "Корни инакости. Россия на рубеже столетий". Иными словами, "инакость" живет и здравствует.

Пушкин в "Арионе" прямо противопоставляет старое "иное" новому:

*Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали*

В глубь мощны веслы....

Сам поэт чаще употребляет слово "иное" именно в этом, новом смысле. Вспомним отрывки из "Путешествия Онегина", где Пушкин декларирует свое расставание с заимствованными жанрами, стилями и терминами:

*Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
.....
Порой дождливою намедни
Я, завернув на скотный двор...*

По существу, Пушкин создает иной язык, новую понятийную сетку для описания феномена России. До этого было принято изображать ее в терминах, понятиях и образах, заимствованных из античной классики или европейского романтизма.

Но есть у Пушкина и тоска по новой социологии:

*Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода...*

Огромная тема, которую здесь приходится оставить в стороне, – традиция употребления русского слова "иное" переводчиками для обозначения одной из важнейших категорий, играющей особую роль во многих философских системах – от Платона до Гегеля.

В-пятых, есть более частный, но притом самый модный ныне смысл термина. "Иное" означает на публицистической фене *несуществующее третье*, как свидетельствует лозунг "Иного не дано" – странноватый отечественный перевод латинской фразы "Tertium non datur". Иное-несуществующее (в смысле *tertium non datur*) подразумевает, что провозглашается некая двуполосная картина мира, основанная на парах противоположных понятий (запад – восток, открытое общество – закрытое общество, цивилизация – варварство и т.п.). Отечественное обществознание пользуется двумерными понятийными координатами, заимствованными у западной социальной науки (больше взять неоткуда, мы не выбирали – других просто не оказалось). Но все чаще выясняется, что для описания феноменов нашей жизни эта сетка оказывается или непригодной, или мистифицирующей, вводящей в заблуждение.

В поисках выхода из гносеологического тупика происходит таинство обретения нового смысла: *Иное* само по себе, взятое без "не", превращается в *Третье*, намек на переход от дихотомической понятийной системы – к троичной. Благодаря этому целая треть мира, не имевшая статуса в мире *Tertium non datur* и потому как бы невидимая, вдруг возникает в поле зрения и оказывается не менее, если не более реальной, чем привычные полюса оппозиции.

Это – знак перехода к троичному мышлению, знак радикального расширения концептуального пространства. Поднимаясь над плоскостью, мы обретаем чудесную способность увидеть такой странный предмет-инорог, как Россия. Похоже, он имеет собственный онтологический статус, свое смысловое пространство, отличное как от задворков Запада, так и от предбанника Востока. Полнокровное, органичное Бытие, а не ублюдочную "самобытность".

Тогда мы вспоминаем, что культура, в которой живем (в отличие от науки, плодами которой пользуемся), изначально трехосновна. Христианская интуиция троична. Из истории европейской культуры всем памятна триада идеалов на знамени Французской революции (свобода – равенство – братство). Правда, не принято обсуждать, что означало это "братство" и куда подевалось потом.

Инакость, троякомыслие – вот что сближает необъединимых, уникальных иноков, участников проекта "Иное": иные из авторов сознательно пользуются троичными понятийными структурами, другие прибегают к этому интуитивно. Благодаря этому предмет-невидимка,

***

ИЗ КНИГИ "ЧЖУАН-ЦЗЫ"²

Ты, верно, слышал флейту человека, но не слышал еще флейты земли. И даже если ты внимал флейте земли, ты не слышал еще флейты неба.

[...] Великая Пещера выдыхает воздух, зовущийся ветром. В покое пребывает он. Иной же раз он приходит в движение, и тогда вся тьма отверстий откликается ему. Разве не слышал ты его громоподобного пения? Вздвигающиеся гребни гор, дупла исполинских деревьев в сотню обхватов – как нос, рот и уши, как горлышко сосуда, как винная чаша, как ступка, как омут, как лужа. Наполнит их ветер – и они завоюют, закричат, заплачут, застонут, залают. Могучие деревья завывают грозно: У-у-у! А молодые деревца стонут им вслед: А-а-а! При слабом ветре гармония малая, при сильном ветре – гармония великая. Но стихнет вихрь, и все отверстия замолкают. [...]

– Значит, флейта земли – вся тьма земных отверстий. Флейта человека – полая бамбуковая трубка с дырочками. Но что же такое флейта неба?

– Десять тысяч разных голосов! Кто же это такой, кто позволяет им быть такими, какие они есть, и петь так, как им поется?

[...]

Когда мы спим, душа отправляется в странствие.

Пробудившись от сна, мы открываемся миру.

[...]

Малый страх делает нас осторожными.

Большой страх делает нас раскованными.

[...]

Речь – это не просто выдыхание воздуха. Говорящему есть что сказать, однако то, что говорит он, крайне неопределенно. Говорим ли мы что-нибудь? Или мы на самом деле ничего не говорим? [...] Отчего так затемнен путь, что существует истинное и ложное? Почему так невнятна речь, что существует правда и обман? [...] Путь затемняется человеческими пристрастиями, речь становится невнятной из-за цветистости. И вот уже возникает "правильное" и "неправильное", о которых толкуют последователи Конфуция и Мо Ди, и то, что одни объявляют правдой, другие начисто отрицают. Но вместо того, чтобы принимать то, что они отрицают, и отрицать то, что они провозглашают, лучше прийти к прозрению.

Каждая вещь в мире есть "то", и каждая вещь в мире есть "это". Каждый знает то, что доступно ему, и не видит того, что доступно другому.

[...]

[...] Каждый из них в своих пристрастиях отличался от других и притом старался разъяснить лишь то, к чему сам питал пристрастие, а потому умалчивал о других точках зрения.

[...]

Положим, мы затеяли с тобой спор, и ты победил меня, а я не смог переспорить тебя, значит ли это, что ты и в самом деле прав, а я на самом деле не прав? [...] Обязательно ли кто-то из нас должен быть прав, а кто-то не прав? [...] Кто же рассудит нас? Если придет кто-нибудь, кто согласится с тобой, то как ему рассудить нас? А если кто-то третий будет согласен со мной, то и ему не удастся нас рассудить. Если же, наконец, позвать того, кто не согласен ни со мной, ни с тобой, то такой человек тем более не поможет нам установить истину. [...]

Противоречивые суждения о вещах друг друга поддерживают, а если они перестают поддерживать друг друга, следует привести их к равновесию на весах Небес.

***

Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм были крупнейшими социологами рубежа XIX-XX веков. Отрезки их жизни на исторической шкале почти совпадают. Оба знали славу при жизни, каждый создал научную школу. Их труды обрели широкую известность, непрестанно цитировались. Но если бы из всей социологической литературы того времени до потомков дошло только полное собрание сочинений одного из них – мир никогда не узнал бы имени другого.

---

²яПере" одяВ. Маля" ина.

Не полемика, не критика, даже не враждебность – тут абсолютное игнорирование существования друг друга. Это и стало единственной формой отношений между ними. Трагедия? А ведь плодотворный синтез их идей был возможен, – что и осуществилось в дальнейшем, например, в работах Парсонса.

Эта история не исключительна, скорее она типична. Сколько гениев изнывало от духовного одиночества, в то время как их собратья по духу находились буквально за стеной.

Что объединяет Вебера и Дюркгейма вопреки всем внешним различиям, вопреки, быть может, их собственной воле?

Чистота тона, воспринимаемая каждым, кто наделен специфическим слухом. Подлинность и сила звучания лада небесной флейты. Выдох неба, ясно различимый за их собственным голосом. И при этом – неспособность, неумение, нежелание расслышать свое *иное*.

***

Прозанимавшись свыше двадцати лет жизни проблемой *понимания*, составитель отдает себе отчет, что понимание как таковое играет исчезающе слабую роль в жизни нашего общества. Но тогда нельзя не признать, что в случае с авторами "Иного" мы сталкиваемся с загадкой. Большинство из них и в научном, и в человеческом плане выглядят более-менее состоявшимися людьми (иные притом вполне состоятельны). У каждого опубликованы запоминающиеся работы, многие ведут успешную педагогическую деятельность, являются создателями и руководителями исследовательских центров, журналов и иных научных и творческих организаций, их работы известны, широко цитируются. Однако, если обратиться к главным идеям указанных авторов, мы столкнемся с поразительным фактом: степень их понимания даже ближайшим окружением, коллегами, представителями той же научной дисциплины или узкой референтной группы, – эта степень близка к нулю. Ситуацию можно рассматривать и как трагическую, и как трагикомичную, но это так. Приходится признать, что жизненные успехи или неудачи, известность и карьера авторов "Иного" практически не связаны с восприятием и общественным признанием их идей. Если бы все упиралось только в проблему понимания, то, вероятнее всего, их ждал бы полный крах, они были бы выброшены на обочину жизни.

Объяснение этого загадочного феномена нужно искать в совершенно других социальных механизмах и сферах общественного устройства. Общество как бы обладает избирательным чутьем на присутствие творческого потенциала, одаренности. Оно достаточно часто выделяет подобных людей и либо истребляет их, либо стремится использовать в своих целях, но при этом – весьма своеобразным способом. Научные коллективы, профессиональные группы, корпорации, кружки и прочие общественные институты словно испытывают некую потребность иметь в своем ядре одного или нескольких людей с явно выраженной одаренностью, – но, заполучив, обволакивают их специфическим социальным коконом, внутри которого тем предназначена роль, чем-то подобная функции матки в муравейнике. Формы социальности, которыми общество пеленает своих гениев, скорее подобны биологическим механизмам отторжения, обезвреживания и нейтрализации вредоносных элементов, попавших в организм.

По отношению к самим творцам эти оболочки можно рассматривать даже как некие формы социальной компенсации: вместо полноценного понимания автору идеи или концепции подсовываются разнообразные суррогаты и формы "отступного". Общество утешительно премирует их маскарадными, но вполне респектабельными костюмами руководителей научных направлений, редакторов журналов, телепроповедников, популярных публицистов, почетных докторов, академиков, председателей научных советов и т.п.

Муравьи разных социальных муравейников распознают друг друга по признакам, как правило, слабо связанным с содержанием каких бы то ни было "концепций". Поскольку формы разборок между ними связаны с сугубо прозаическими причинами, это приводит творцов, ставших заложниками собственных "команд", к сильнейшим личностным перекосам и травмам. В частности, идеологические игры в "своих" и "чужих" отгораживают творческую личность от иных подобных ей, воздвигают между ними систему кривых зеркал, густо размалевывают их идеи боевой раскраской враждующих сект, школок и группировок.

Одна из целей "Иного" – извлечь ядра авторских идей из подобной скорлупы.

***

Притча Чжуан-цзы о небесной флейте предвосхитила известный опыт из квантовой механики. На пути элементарной частицы – таинственного сгустка первоматерии – устанавливаются пластины с несколькими отверстиями. И на глазах у исследователей происходит чудо: "частица" пролетает во все отверстия разом! Корпускула ведет себя как волна, и каждая дыра в пластине, оказавшаяся перед ее фронтом, становится как бы источником вторичного излучения, параметры которого зависят от размеров и формы отверстия.

В образах людей, несущих миру свет идей, в Новое время принято выпячивать, педалировать роль творца и забывать, что *творится*, собственно, форма идеи, содержание же *открывается*:

*Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моей...*

Но из того, что пророки исполнены единой Волей, вовсе не следует, что они будут говорить одно и то же. Каждое отверстие небесной флейты поет на собственный лад. "Противоречивые суждения о вещах друг друга поддерживают, а если они перестают поддерживать друг друга, следует привести их к равновесию на весах Небес".

Первичный Смысл ("то, что Бог думает о России в вечности", – по известному выражению В. Соловьева) порождает целый веер вторичных идей (то, что мы сами думаем о себе во времени). Идея – проблеск Божий. Но ограниченный общественный разум не в силах преодолеть противоречия между идеями, и потому склонен обожествить одну из них, а все прочие объявить ересью. По мере того как идея теряет первоначальную энергию, она обрастает идеологическими оболочками и пристройками. Идеология – вырождение идеократии. Идея в ней перегорела, погасла.

Традиционным принципом объединения мыслителей и интеллектуалов служила *партийность* – приверженность общей идее. В межчеловеческом пространстве авторов "Иного" витает предчувствие принципиально иной духовной общности: корпорации лиц, осознавших, что они в той или иной мере обладают (не по собственной воле) каналом личного Откровения. Факт Откровения объединяет их вне зависимости от того, в какие именно словесные оболочки они склонны облекать то, что им открывается. Таким мог бы стать несбывшийся союз Вебера с Дюркгеймом. Музыкантов тоже принято объединять по тому признаку, что их инструменты принадлежат, скажем, к "группе струнных". Но альтист может быть бесконечно ближе флейтисту просто потому, что каждый исполняет свою партию в общей симфонии, и оба играют *вдохновенно*.

Многие из мета-пророчеств, представленных в "Ином", вполне могли бы быть эксплицированы, популяризированы и развернуты в полномасштабную идеологию. Но идеология в традиционном ее понимании – последнее из того, что нужно сейчас России. "Иное" – это ширма, сквозь отверстия в которой угадываются контуры смысла наступающего метаисторического периода. И отсутствие, нехватка любого из них может привести к необратимым потерям в самосознании страны, стоящей на пороге перемен.

Пророчества обычно темны и косноязычны... Не стоит питать надежд на успех книги у читателей. Можно сказать и больше: главная задача "Иного", с точки зрения составителя, – в том, чтобы иные из круга авторов вчитались, вдумались в работы других. Результатом может стать цепная реакция огромной духовной мощи, последствия которой трудно переоценить. Главное – будет дан толчок к становлению нового русского самосознания. Необходимо восстановить российский канал к трансцендентному слою бытия. Прорубить окно в Иное.

Что касается установления рациональных соотношений между частными откровениями Смысла – оно может оказаться делом отдаленного будущего.

***

В публицистической статье 1842 года двадцатичетырехлетний младогегельянец Карл Маркс противопоставил расколу отчуждения, "духовному животному царству" – объединение вокруг **святого Гумануса**. Тому, кто отважится на поиски родословной этого святого, дано будет прикоснуться к тайнам...

Неоконченная, точнее, едва начатая поэма Гёте "Тайны" – один из наиболее загадочных памятников европейской культуры. Сам автор придавал огромное значение своему замыслу, за которым, очевидно, стояло поразившее его событие-откровение. Впервые "Тайны" были напечатаны в собрании сочинений Гёте, вышедшем в Лейпциге в 1787-1790 годах. Поэма начата 8 августа 1784 года, о чем имеется свидетельство в письмах автора к г-же фон Штейн и Гердеру. В этот день было написано посвящение к ней, помещенное впоследствии автором во главе собрания его стихотворений. Традиция сохраняется и по сей день, – посвящение к "Тайнам" служит как бы напутствием ко всей жизненной работе Гёте.

*Но внутренних значений песни этой
Никто во всем не сможет разгадать...*

Спустя три десятилетия, 15 ноября 1815 года, некий кружок студентов в Кенигсберге, собиравшийся для чтения и обсуждения поэтических произведений, обратился с письмом к еще здравствовавшему патриарху мировой литературы, прося его, ввиду возникших в кружке споров, дать свое истолкование этому таинственному отрывку. Неожиданно Гёте откликнулся, причем по тем временам весьма оперативно, и написал заметку под заглавием: "Тайны. Фрагмент Гёте", которая была помещена в "Моргенблатт" от 27 апреля 1816 года. Пространный комментарий автора как по объему, так и по содержанию значительно превосходит сам комментируемый фрагмент. Собственно, из опубликованного текста "Тайн" читатель успевает лишь узнать о том, как некий монах, заблудившийся в гористой местности, попадает в приветливую долину, где находит двенадцать таинственных рыцарей. Прочее осталось невоплощенным. Что же именно?

Вслушаемся в тихий голос старого Гёте:

"Чтобы дать теперь понять мои дальнейшие намерения, а вместе с тем и выяснить и общий план, и цель стихотворения, я открою, что имелось в виду провести читателя... через различные области горных, скалистых и утесистых вершин... Мы посетили бы каждого рыцаря-монаха в его жилище и из созерцания климатических и национальных различий узнали бы, что эти отменные мужи собрались сюда со всех концов земли, где каждый из них перед тем чтил Бога на свой лад в тиши".

"Читатель заметил бы, что различнейшие образы мыслей и чувств, развиваемые и запечатляемые в человеке атмосферю, странюю, народностью, потребностью, привычкой, призваны явиться здесь, на этом месте, воплощенными в выдающихся индивидах, и что здесь находит свое выражение жажда к высшему усовершенствованию, не полному в отдельном лице, но достойно завершающемуся в совместной жизни".

"Но для того чтобы все это стало возможным, они собрались вокруг человека, носящего имя Гуманус; на это бы они не решились, если бы не чувствовали некоторой близости, некоторого сходства с ним".

"При этом оказалось бы, что каждая религия в отдельности достигает в известное время высшего расцвета своего и приносит плод свой, и что тогда она сближается с указанным выше верховным вождем и посредником, и даже вполне сходится с ним. Эти эпохи должны были явиться закрепленными и воплощенными в двенадцати представителях так, чтобы каждое признание Бога и добродетели, в каком бы удивительном образе оно ни предстало перед нами, являлось нам всегда достойным всякой чести и любви".

"И теперь после долгой совместной жизни Гуманус мог прекрасно покинуть их, ибо дух его воплотился в них всех и, принадлежа всем, не нуждался более в собственной земной оболочке".

***

Предположим, что некоторую страну поразили духовный голод. На ней не сеют трансцендентные зерна истины, блага и красоты, не жнут урожай, не молотят, не свозят его в элеваторы и разнообразными способами, не мелют муку, не пекут хлеб и не распространяют его тем или иным способом через торговую сеть или систему полевых кухонь. Как известно, чем сильнее духовная дистрофия, тем беспощаднее огонь материальной вражды, который невозможно потушить материальными же средствами. В этой ситуации задачей-максимум является возрождение культуры смыслоделия, возделывания духовной почвы. Но первым шагом должно стать осознание самого факта трансцендентного голода, понимание, что функция духовного питания общества, функция целеполагания разрушена, нуждается в скорейшем восстановлении и институционализации.

Поэтому задача-минимум может состоять в том, чтобы под покровом ночи послать на эту территорию пузатый транспортный самолет и сбросить на парашюте гуманитарную помощь: большой контейнер, в котором в виде консервных банок упакован необходимый минимум концептуального, ценностного, идеального содержания, способного катализировать процесс выхода из духовного тупика. Конечно, никаких гарантий успеха такой миссии быть не может. Вполне возможно, что контейнер упадет в болото, затеряется в джунглях или рухнет на голову туземного вождя. Правда, утешать себя можно тем, что консервы не портятся. И даже если сейчас содержание гуманитарного груза не будет востребовано и усвоено, пройдет какой-то срок (скажем, половина жизни поколения), и ситуация трансцендентной цинги все равно будет осознана. Но вероятность того, что подобного сорта продукт удастся произвести в стране еще через двенадцать лет, несравненно меньше. К тому времени мы скорее всего недосчитались бы по тем или иным причинам большей части авторов "Иного".

И вот в такой постановке задачи дело наконец-то доходит собственно до содержания, то есть качества тех консервов, которые упакованы в контейнер. По глубокому убеждению составителя, комплекс идей, представленных в книге "Иное", с лихвой и даже, может быть, с многократным избытком обеспечивает решение задачи, которая подразумевается: возрождение страны – сначала в духе, а потом во плоти.

***

Взор современного читателя, отрываясь от страниц "Иного", не обнаруживает окрест никаких признаков духа, повсюду натываясь на торжествующую плоть. Точнее – подрагивающие от вожделения хвосты и трясущиеся загривки разномастного зверья, что облепило тушу дохлого мастодонта-СССР. Разлагаясь, "великий и могучий" продолжает служить последним поводом для новейшей "исторической общности". Плоть лежит в ее основе, распространяя весьма специфический дух. Орды трупожорок, лимфососов и прочих ценителей поживы, радостным воем встретившие крылатую фразу "Процесс пошел", теперь, уверенно урча, ведут указанный процесс к логическому концу. Ибо популяция некрофилов разрастается, а падаль, увы, ресурс исчерпаемый.

Сценарии дальнейшего не составляют тайны для мировой политологической мысли. Сначала рвут куски друг у друга, потом – рвут друг друга на куски... Это даже не пресловутый "закон джунглей", ибо он, как известно из Киплинга, гласит: "Мы с тобой одной крови – ты и я!"

Однако Россия никогда не была общностью по крови. А общность по духу, пусть суррогатную, мы утеряли. Что остается? Общие газы?

Население сгрудилось у трубы, по которой в закатную сторону течет, оскудевая, первичное и вторичное сырье; навстречу, снисходительно блестя сникерскими обертками, плывет-сплавляется ширпотребный ленд-лиз.

Черная, вязкая нефть сочится по венам страны. А небесные артерии перерезаны или забиты тромбами.

Но материализм в России мог существовать только как духовное движение. В натуральном виде он шансов не имеет. Тут царство идеализма, доходящего до идиотизма: русский "софтвер" фатально предшествует "хардверу".

Российское имущество, некогда грабительски "обобществленное", теперь по-блатному "приватизировали". Самое же Россию, между делом, не заметив, – выбросили за ненадобностью... В пламени очередных реформ выковывается новый русский: прагматичный, непьющий (нас не проведешь!) Иван-дурак, что вылил драгоценное вино, дабы сдать бутылку. А в приемном пункте с нее содрали ярлык.

Исчезла в пространстве, блин, исчезла! О, русская земля, ты – вечно за холмом, не здесь, незнамо где. Русь – шестая часть небес с названьем кратким... Не делится чудо на душу и плоть.

А потому плоть России, всеобщего "Иного", – всегда и для всех крайняя. Потому изгнание духа оборачивается развоплощением, обрезанием и кромсанием пространств, самоизгнанием. И вновь от "России" остается лишь имя, неистребимый и неотвязный пароль, властно взыскующий из глубины эмигрантских душ позабытого отзыва.

*Не кончив молитвы,
На звук тот отвечаю,
И брошусь из битвы*

Ему я навстречу.

"Иное" – философский пароход, который возвращается на родину.

3 мая 1995 г.